

К проблеме возникновения феноменологии в ходе столкновения исследовательских программ

В статье защищается тезис о том, что феноменология Э. Гуссерля возникла в результате своеобразного синтеза положений и методов ряда дофеноменологических исследовательских программ: позитивизма, описательной и эмпирической психологии; сравниваются онтологические и гносеологические предпосылки феноменологии и конкурирующих с ней программ: позиция Гуссерля относительно онтологического статуса сознания и природного мира оказывается ближе всего к взглядам Т. Липпса. Для прояснения статуса априорных законов окружающего мира с точки зрения Гуссерля вводится различие онтологических статусов сущностей и сущностных суждений, формальная структура которых обусловлена закономерностями функционирования сознания.

Ключевые слова: описательная психология, Э. Гуссерль, сознание, сущностные закономерности, В. Дильтей, позитивизм.

1. Понимание сознания у Дильтея, Эббингауза, Гуссерля

Проведем сравнительный анализ базисных предпосылок описательной и эмпирической психологии, с одной стороны, и феноменологии Э. Гуссерля – с другой¹.

Феноменологическое понимание сознания пришло на смену господствовавшим в конце XIX в. программ описательной и эмпирической психологии, конкурировавшим друг с другом. Довольно близко к феноменологии сознания стояла описательная психология В. Дильтея, которую можно считать предшественницей феноменологической парадигмы исследования сознания. Свой проект описательной психологии Дильтей предлагает во многом в противовес эмпирической психологии. Он критикует эмпирическую психологию прежде всего за принятие методологии естественных наук, исходящей из небольшого числа элементов (ощущения, пред-

ставления, чувства удовольствия и неудовольствия и т. д.), из которых с помощью гипотез конструируется вся остальная психическая жизнь². В отличие от них Дильтей был убежден, что духовная жизнь дана нам совершенно иначе, чем факты внешнего мира, что все связи переживаний непосредственно представлены во внутреннем сознании. Он считал, что любая взаимосвязь, «которую видит наше восприятие и полагает наше мышление, заимствована из подлинной внутренней жизни»³. Таким образом, по Дильтею, описательная психология получает все свои принципы из непосредственно данной исследователю действительности психического.

Однако не все декларации Дильтея соответствуют его собственным способам исследования. Г. Эббингауз – один из известных эмпирических психологов того времени, – отвечая в статье «Об объясняющей и описательной психологии»⁴ на дильтеевскую критику эмпирической психологии, замечает, что описательная психология функционирует так же, как и объяснительная. У самого Дильтея, замечает Эббингауз, описание непосредственно данного является лишь прелюдией, а все усилия тратятся на описание того, что само не дано непосредственно. Некоторые связи и отношения Дильтей достраивает, используя при этом гипотезы. Эббингауз приводит следующий пример с ящерицей⁵: движения ящерицы связаны с определенными чувствами и стремлениями, которые наблюдатель приписывает ящерице на том основании, что сам может их совершить. Этот перенос собственных душевных переживаний на ящерицу, по Дильтею, является угадыванием. Но достоверность этого угадывания невозможно подтвердить.

Дальнейшее развитие этой мысли Эббингаузом весьма интересно. Он обращает внимание на то, что «недостоверность психологии начинается вовсе не с объяснений и гипотетических конструкций, но уже с простой констатации фактов»⁶. Уже само описание «непосредственно данного» дает противоречивые результаты. Это означает, что никакая психология не может претендовать на полную достоверность. Например, *что* такое внимание или волевой акт? – У разных психологических школ на эти вопросы существуют разные ответы. Даже там, где речь идет просто о регистрации и описании «непосредственно данного», невозможно избежать конструирующих гипотез, а вместе с ними и недостоверности. Здесь Эббингауз работает в полном согласии с современной философией науки, утверждающей, что любой факт наблюдения уже является теоретически нагруженным.

Как известно, проект описательной психологии не был реализован, ему на смену пришла феноменология Гуссерля. Удалось ли ей избежать «придумывания гипотез» – этого главного недо-

статка, выявленного Эббингаузом у Дильтея? На первый взгляд, кажется, – да. Против гипотез направлены «принцип беспредпосылочности» («Логические исследования»), «принцип всех принципов» («Идеи к чистой феноменологии и феноменологической философии»), «первый методический принцип» («Картезианские медитации»), методы редукции и *эпохе*. Гуссерль, вероятно, сам не зная того, отчаянно боролся против главного возражения Эббингауза Дильтею. Гуссерль убежден, что с помощью разработанных им методологических средств ему удастся схватить «непосредственно данное» однозначно и без предпосылок.

Так ли это? Для ответа на этот вопрос обратимся к методам, которым Гуссерль реально, а не декларативно следует в своей работе. Как известно, Гуссерль не дает определения сознания, а только указывает на его основное свойство – интенциональность. Это свойство он обнаруживает, как кажется, в соответствии с принципом беспредпосылочности, т. е. в ходе рефлексии над реальным опытом сознания. Но во внутреннем опыте мы можем в качестве непосредственно данного усматривать «связь переживаний» (подобно Дильтею), «ощущения» (подобно Маху и Авенариусу), «психические феномены» (подобно Brentano) или, возможно, что-то еще. Нужно заметить, что это, видимо, понимал и сам Гуссерль. Так, в 5-м «Логическом исследовании» кроме трактовки сознания как «совокупности интенциональных переживаний» он вводит еще два понимания сознания: сознание как «переплетение психических переживаний в единстве потока переживаний» и сознание «как внутреннее обнаружение собственных психических переживаний»⁷. Но в своих программных работах и исследованиях Гуссерль исходит из того, что именно интенциональность – основное свойство сознания⁸. Выбор только одного из нескольких аспектов сознания и убежденность в абсолютной правильности такого выбора позволяют видеть в гуссерлевском подходе к сознанию определенную долю произвольности.

Упрек Эббингауза Дильтею, что тот не различает содержаний, взятых из действительности, и взаимосвязей, установленных принятием гипотез, можно отчасти отнести и к Гуссерлю. Поясним эту мысль. Согласно Гуссерлю, в опыте сознания можно выделить следующие три аспекта: акт, значение и предмет. Важно подчеркнуть, что речь идет не просто о сознании, направленном на предмет, а о тройственном различении между сознанием как актом, значением и предметом. Это можно прояснить на примере, приведенном Гуссерлем в «Логических исследованиях»: наблюдая за небом, в зависимости от ситуации мы можем сказать, что видим на небе Утреннюю звезду или Вечернюю звезду, но при этом понимаем, что

в обоих случаях речь идет об одном и том же предмете: о планете Венера. Характеристика звезды как утренней или вечерней будет в гуссерлевской терминологии значением (смыслом), а сама планета Венера – предметом. Предмет не дан нам в опыте, он нами лишь подразумевается. Это подразумевание можно назвать гипотезой, предпосылкой, свойственной нашему обыденному опыту сознания, которую Гуссерль тем не менее сам не фиксирует как предпосылку.

В ходе описания реального опыта Гуссерль порой также использует принцип переноса, за который Эббингауз критиковал Дильтея в примере с ящерицей. Так, в контексте использования апперцептивной схемы «хюле – акт схватывания», Гуссерль считает, что нашему восприятию конкретного предмета предшествует некий аморфный комплекс ощущений, на который мы направляем «оживляющий акт», в результате чего и формируется воспринимаемый нами предмет. Да, у нас может быть несколько подобный опыт, когда мы пытаемся в темноте из смутных очертаний выделить конкретные предметы. Но Гуссерль переносит этот частный случай на любое восприятие и утверждает, что именно так оно всегда и протекает.

В более поздний период Гуссерль даст другой ответ на вопрос, почему мы видим мир таким, а не иным, почему видим такие, а не иные предметы. Он считает, что наше восприятие предметов и отношений обусловлено нашим предшествующим обыденным опытом, именно в свете этого опыта мы видим окружающие нас вещи. При восприятии у нас автоматически включается механизм ассоциации вновь увиденного с тем, что мы уже знаем по прежнему опыту, и в силу этого мы видим ту ли иную вещь. Этот тезис Гуссерля также имеет характер гипотезы, причем даже трудно сказать, насколько она соответствует реальному опыту, а насколько – является чистым предположением. Я считаю, интуитивно мы можем согласиться с тем, что наш прошлый опыт обуславливает наше настоящее видение мира. Однако у нас нет возможности подтвердить на опыте гуссерлевское описание механизма пассивных синтезов.

Гуссерлевское решение проблемы интерсубъективности тоже основано на гипотезе. Согласно Гуссерлю, в основе нашего восприятия Другого лежит вчувствование: видя нечто похожее на наше, мы переносим на него наши собственные переживания, т. е. воспринимаем Другого по аналогии с собой. Никто не спорит, что иногда мы понимаем эмоции и мотивы Другого исходя из собственных переживаний. Но обычно, встречая Другого, мы сразу воспринимаем его как человека, а не сначала воспринимаем нечто и только потом понимаем, что это нечто похоже на нас, в силу чего делаем

вывод, что это – человек⁹. При восприятии Другого человека мы обычно сразу понимаем, что это – человек, а не делаем заключение по аналогии. Заключение по аналогии могут иметь место, когда мы пытаемся понять внутренний мир Другого.

Таким образом, Гуссерлю при исследовании сознания не удалось, как и представителям описательной и эмпирической психологий, избежать гипотез, которые невозможно обосновать реальным опытом.

2. Сравнение онтологических и гносеологических представлений гуссерлевской феноменологии с конкурирующими с ней программами

Итак, что обладает самостоятельным существованием для представителей данных направлений? Как мы можем познать окружающий мир? Какую роль играет сознание в онтологии и гносеологии этих школ?

Сначала обратимся к ответу, который дали представители позитивизма, эмпирической и описательной психологии на традиционный онтологический вопрос: «что существует?», – и сопоставим их взгляды с позицией Гуссерля.

Для всех позитивистов статусом самостоятельного существования обладает только материальный мир, данность которого представители второго позитивизма (старшие современники Гуссерля) пытаются свести к первичным элементам опыта. Задача философии и науки – выявить и осмыслить объективные закономерности материальной природы.

У представителей эмпирической психологии на первый план выходит сфера духовного и психического. Они считают, что психическая и духовная жизнь обусловлены материальной природой. В этом случае задача изучения психической и духовной жизни состоит в поиске их объяснения посредством сведения к материальным закономерностям. Это означает, что эмпирические психологи и в онтологическом, и в гносеологическом смысле были материалистами. Именно с таким пониманием сферы духовного Гуссерль боролся в первом томе «Логических исследований». Однако он не был первым, кто начал это противостояние, отстаивая своеобразие и самодостаточность сферы сознания.

Уже Дильтей, проводя разграничение между науками о духе и науками о природе, провозгласил невозможность сведения духовной сферы к материальной природе. Но в отношении духовной

сферы и он не избежал редукционизма. Все закономерности духа для него сводятся к закономерностям психического. Дильтей пишет в «Описательной психологии»:

Хозяйство, право, религия, искусство и наука, как и внешняя организация общества в союзы семьи, общины, церкви, государства, возникли из живой связи человеческой души, так как они не могут в конце концов быть поняты иначе, как из того же источника. Психические факты образуют их важнейшую составную часть, и потому они не могут быть рассмотрены без психического анализа¹⁰.

Дильтей поясняет свою мысль на примерах религии, юриспруденции, наук о государстве и обществе. Так, для анализа любых фактов религии необходимо обратиться к понятиям чувства, воли, зависимости, свободы, мотива, которые могут быть, согласно Дильтею, разъяснены исключительно в психологической связи. В основе ключевых понятий юриспруденции – норма, закон, вменяемость и т. д. – лежат психологические связи, требующие психологического анализа. Науки о государстве находятся во всяком общественном отношении психические связи общения, владычества и зависимости. Теория литературы не может обойтись без психологического анализа таких понятий, как прекрасное, возвышенное или смешное.

Основание для привилегированного статуса психики в области духа Дильтей видит в том, «что в душевной жизни существуют единообразие и планомерность, допускающие возможность одинакового порядка для многих жизненных единств»¹¹.

Похожей позиции в отношении наук о духе придерживался и глава Мюнхенской психологической школы Теодор Липпс. Он считал, что открываемые этими науками правила «должны быть включены в закономерную связь душевной жизни»¹². Так, например, историческая наука является для него наукой психологически объясняющей, которая подводит единичные факты под психические закономерности¹³.

Липпс признает самостоятельное существование природы, но утверждает, что она может быть изучена только с помощью закономерностей духа. Естественнно-научное объяснение представляет собой разложение природы на идеальные «кирпичики», созданные духом из эмпирического опыта. Кроме того, науки о природе предполагают использование понятий, которые могут быть прояснены только психологически. Липпс утверждает, что «в задачу психологии входит также и исследование законности притязаний на действительность как этих понятий, так и всех последующих понятий, с которыми

оперирует познание вообще. И психология делает это, сводя те понятия, о которых идет речь, к истинному их эмпирическому значению (*Erfahrungswert*)»¹⁴. Но тем не менее Липпс считает, что сущность мира самого по себе не может быть схвачена никакой теорией.

Вопрос о том, что, по Гуссерлю, обладает самостоятельным статусом существования, не является простым и очевидным. Однако попробуем в этом разобраться. При рассмотрении творчества Гуссерля в целом создается впечатление, что для него существует лишь сознание. Об этом говорит не только количество страниц, уделенных исследованию сознания, но и множество «прямых» высказываний. Так, например, в Первой книге «Идей к чистой феноменологии и феноменологической философии» Гуссерль пишет об абсолютном бытии сознания, а в «Кризисе европейских наук и трансцендентальной феноменологии» утверждает, что «по себе первое есть субъективность, и притом субъективность, обеспечивающая наивную пред-данность бытия мира, а затем его рационализирующая или, что то же самое, объективирующая»¹⁵. Однако, чтобы правильно оценить эти и подобные высказывания, нужно иметь в виду, что они имеют исключительно гносеологический (теоретико-познавательный) смысл. И в этом позиция Гуссерля близка общей установке Липпса¹⁶, хотя Гуссерль и использует другой язык. Теоретико-познавательная постановка вопроса была для Гуссерля всегда более приоритетной. Поскольку Гуссерль убежден, что только радикальное вопрошание о субъективности «может дать нам понять объективную истину и достичь последнего бытийного смысла мира»¹⁷.

Тогда что же, согласно Гуссерлю, обладает статусом самостоятельного существования? Статусом самостоятельного существования обладает мир. Существование мира можно назвать гипотезой или предпосылкой Гуссерля, которую тот выделил в качестве таковой в нашей обыденной жизни и перенес в феноменологическую установку исследования. Речь идет о мире как существующем в объективном пространстве и времени. Существующий мир Гуссерль делит на три региона: мир вещей, живых существ и социальных личностей. Правомерность этого гуссерлевского деления не обсуждается, и оно принимается как «безусловно истинное». В рамках гуссерлевской феноменологии такая безусловная истинность данного деления возможна, только если оно «схвачено» с помощью сущностной интуиции, обеспечивающей всеобщность и необходимость полученного с ее помощью опыта.

Кроме пространственно-временного мира с его регионами, по Гуссерлю, возможно существование и других типов сущего,

нередко с непроявленным статусом существования (ноэма¹⁸) или особым, например, сознание¹⁹.

Необходимо подчеркнуть, что, согласно Гуссерлю, существуют предметности разного типа, и нельзя сказать, что между ними есть отношения обусловленности. То есть сознание не лежит в основе всех других видов предметности, а лишь обеспечивает доступ к предметностям разного типа. Особенность статуса существования сознания означает, что, несмотря на неразрывную связь с телом, в основе сознания не могут лежать материальные закономерности, и, следовательно, оно не может изучаться естественно-научными методами. То же самое относится и к материальному миру. Его своеобразие не отвергается, однако Гуссерль предъявляет определенные критерии проверки результатов исследования мира, основанные на рефлексии над опытом, в котором эти результаты даны.

Сознание обладает собственными сущностными (априорными) закономерностями. Гуссерль усматривает априорные законы опыта сознания, которые весьма похожи на психические закономерности, выделенные Липпсом: закон конкуренции (каждый психический процесс имеет тенденцию присваивать себе психическую силу остальных), закон ассоциации, закон объединения, закон ассимиляции, закон монархического подчинения и т. д.

Существуют ли, по Гуссерлю, сущностные связи между вещами окружающего мира? На этот вопрос не так легко ответить однозначно. С одной стороны, в первой книге – «Идеи к чистой феноменологии и феноменологической философии» – он пишет о сущностных (априорных) закономерностях и сущностях окружающего мира, которые обуславливают все эмпирические науки о природе. Причем сущности и их априорные связи постигаются в сущностной интуиции, которую Гуссерль принципиально отличает от опыта. Однако в «трансцендентальный» период творчества Гуссерля у него можно встретить утверждения, что все онтическое априори возможно лишь в качестве коррелята неотделимого от него и единого с ним конститутивного априори²⁰, что априори жизненного мира должно быть трансцендентально прояснено на основе генетически-конститутивного априори сознания²¹.

Для ответа на вопрос о возможности априорных закономерностей природы мы бы предложили провести разделение сущностей и сущностных суждений. Любые суждения, в том числе и априорные, обусловлены конститутивной деятельностью сознания, и для их прояснения необходимо обратиться к генетическому анализу сознания. Однако в этих сущностных суждениях речь идет о реально существующих в мире взаимосвязях, например, взаимосвязях вещей. Сам Гуссерль, кажется, не занимается их установлением.

Он исходит из данности научного знания и пытается проверить его основные положения, например, о соотношенности материальности и пространственности в вещах²². Речь идет о проверке на опыте, причем не обязательно на опыте сознания. Но проверка на опыте у Гуссерля, в отличие от позитивистов, означает не то, что данная модель пригодна и может быть использована, а нечто более сильное: что данное утверждение характеризует саму реальность.

Заметим, что эти сущностные взаимосвязи устанавливаются только в рамках одного региона, а не между регионами. Например, в рамках региона «вещь». Сущность материальной вещи является путеводной нитью, в рамках которой и делаются подобные утверждения. Причем эта сущность молчаливо понимается и даже не выражается в понятиях. Эта сущность не требует проверки на опыте. То, что фактически делает Гуссерль, проясняется в работе Шелера «Феноменология и теория познания», соответствующей, как нам представляется, реальной работе Гуссерля. Шелер подчеркивает, что априорную структуру невозможно ни подтвердить, ни опровергнуть²³. Наоборот, все эмпирические исследования должны принимать ее во внимание. Тогда эта сущность имеет самостоятельный и независимый от сознания статус существования.

В отличие от сущностей, априорные закономерности регионов фиксируются в суждениях, и поэтому их онтологический статус существования уже другой. В них присутствует момент конструирования и «придумывания» некоей действительности. В «Опыте и суждении» картина выглядит следующим образом²⁴. Логические законы и суждения именно таковы, потому что наше сознание работает именно так, а не иначе. На допредикативном опыте восприятия базируются предикативные суждения. Рассмотрим общую схему образования категориальных суждений на примере суждения «Стол – зеленый» (*a* есть *b*). Сначала мы воспринимаем стол, потом обращаем внимание на его особенности, например, цвет, затем совершаем так называемые синтезы совпадения, т. е. накладываем зеленый цвет на целостное восприятие стола. Эти синтезы совпадения могут остаться допредикативными, а возможно, над ними надстраивается особый акт – категориальное созерцание, в результате которого и образуется суждение «Стол – зеленый». Однако однозначный ответ на вопрос, как происходит категориальное созерцание, нельзя найти в текстах Гуссерля. В разные периоды своего творчества он склонялся к различному пониманию механизма категориального опыта в опыте восприятия. Этот вопрос тесно связан с общими принципами понимания функционирования сознания и онтологическими предпосылками. В 4-м «Логическом исследовании» Гуссерль, скорее, считал, что

категориальное суждение – это рефлексивный акт, в ходе которого мы «всматриваемся» в то, что уже дано в чувственных синтезах простого восприятия. Это означает, что категориальная идеальная предметность существует независимо от нашего сознания и дается нам уже в простом восприятии, просто мы этого не замечаем. Но проявляется она только в актах предикативного суждения, причем этот акт протекает неосознанно, не тематически.

В отличие от этого, в «Опыте и суждении» Гуссерль утверждает, что предметность категориального суждения (которую он здесь называет предметностью рассудка) принципиально отличается от предметности восприятия. То, о чем говорится в суждении – это положение дел, которое производится сознанием. В творческой спонтанности производится новый тип предметности. Это – ключевой момент для понимания гуссерлевского отношения к логическому в поздний период: в отличие от вещей, суждения о положении дел не существуют в окружающем мире, они продукт деятельности сознания. Их статус – «всевременность» (*Allzeitlichkeit*). Обратим внимание, что всевременность – это не то же самое, что истинность на все времена: суждение «Этот стол – желтый», после того как этот стол перекрашили, может стать ложным, но оно все равно останется всевременным. Интересно заметить, что положение дел, выраженное в суждении, может пониматься, по Гуссерлю, и как конструирование того, чего нет в мире. Это конструирование осуществляется в ходе категориального созерцания, в процессе которого производится и само языковое выражение.

Подход Гуссерля к трактовке логического вполне соответствует позиции Дильтея по тому же вопросу. Дильтей пишет, что существующее в душевной жизни единообразие и планомерность (процессы ассоциации, воспроизведения, сравнения, различения, измерения степеней, разделения, отвлечения одного и выделения другого) допускают возможность однородного порядка для многих жизненных единств в области права, истории, искусства²⁵. Механизм образования логических суждений протекает бессознательно, автоматически. Это в чистом виде гипотеза, за которую Эббингауз критиковал Дильтея и которая принимается также и Гуссерлем.

Такое понимание логики разделялось и Липпсом. Он считал, что нормативная сторона логики основана на закономерностях человеческого духа. «О чем бы мы ни думали, результат нашего мышления должен быть заимствован из продуктов непосредственного переживания»²⁶, – писал Липпс. Так, закон причинности может рассматриваться как результат взаимодействия ряда психических законов.

* * *

Из проведенного сопоставления исследовательских программ XIX в. можно сделать вывод, что гуссерлевские онтологическая и гносеологическая установки представляют некое комбинирование позитивизма и исходных положений психологии того времени (описательной и эмпирической). Однако в отличие от представителей психологических программ Гуссерль допускал существование пространственно-временной реальности со своими собственными закономерностями, никак не сводимыми к психическим (к сознанию). Иначе обстоит дело с логическими закономерностями. Несмотря на собственную борьбу с психологизмом, Гуссерль все же продолжает обосновывать логические суждения закономерностями функционирования сознания, хоть и придает им всеобщий и необходимый статус и не сводит к психическим особенностям, как это делал Липпс.

Что касается теории познания, то гуссерлевский принцип обоснованности результатов опытом и ведущая роль опыта сознания в исследовании мира могут рассматриваться как определенный синтез позитивистского подхода и программы описательной психологии.

Что же нового внес Гуссерль? Это новое относится не столько к пониманию мира и сознания (представление об интенциональности сознания ввел Brentano, Гуссерль же его несколько модифицировал), сколько к формированию принципов исследовательского подхода. Здесь можно выделить два момента. Во-первых, требование фиксации собственных предпосылок, исходных установок и принципов работы и отказ от тех из них, которые не укоренены в нашем реальном опыте. Именно этой цели служат эпохе и редукция. Во-вторых, в качестве средства проверки для Гуссерля выступает не только и не столько опыт, сколько рефлексия над ним. Чтобы что-то понять и в чем-то разобраться, нужно не бесконечно проверять это на опыте, но совершить рефлексии над ним, в ходе которой могут быть вскрыты новые различия и закономерности. Если речь идет об опыте сознания, то применяется особый вид феноменологической рефлексии, не использовавшейся ранее представителями эмпирической и описательной психологии. Именно это позволило феноменологии выйти за границы философии сознания и пережить описательную и эмпирическую психологии XIX в.

- ¹ Вместе с тем мы отнюдь не утверждаем, что представленное в ней понимание феноменологии единственно возможное, наоборот, мы считаем его лишь одним из вариантов толкования феноменологии Гуссерля. Этот вариант опирается в основном на материалы раннего и среднего периодов творчества Гуссерля, с позиций которых рассматриваются остальные его тексты. Картина выглядела бы по-другому, если бы мы исходили в нашем понимании из позднего этапа творчества Гуссерля, например, опирались на «Картезианские медитации» или совместный проект Гуссерля и Финка по развитию феноменологии (см. об этом: *Молчанов В.И.* Трансцендентальный опыт и трансцендентальная наивность в Картезианских медитациях Эдмунда Гуссерля // Гуссерль Э. Картезианские медитации. М., 2010. С. 200–224). Творчество Гуссерля не развивалось поступательно и последовательно, и, в силу этого, остановка на определенном этапе не искажает «истинной картины», постигнутой Гуссерлем в последние годы. Мы считаем, что единой, непротиворечивой картины феноменологии Гуссерля не существует. В каждый период творчества в центре его внимания оказывались те или иные идеи, он опирался на те или иные предпосылки, а другие положения – часто кардинально противоположные – не отвергались и не исчезали, а просто отходили на задний план. В силу этого вполне правомерно исходить из оснований, характерных для конкретного периода творчества Гуссерля, и с этой позиции рассматривать остальные идеи.
- ² *Дильтей В.* Описательная психология. М., 1996. С. 34.
- ³ Там же. С. 98.
- ⁴ *Эббингауз Э.* Об объясняющей и описательной психологии // Логос. 2014. № 4. С. 148–186.
- ⁵ Там же. С. 172–173.
- ⁶ Там же. С. 182.
- ⁷ *Гуссерль Э.* Логические исследования. Т. 2. Ч. 1. М., 2011. С. 317.
- ⁸ Безусловно, два первых понятия сознания также присутствуют в гуссерлевских работах, однако выявление их значения в общем проекте феноменологии требует специального исследования.
- ⁹ Интересно заметить, что подобную точку зрения можно обнаружить в текстах Гуссерля, опубликованных в XIII–XV томах Гуссерлианы. Подробнее об этом см.: *Борисов Е.В.* Явление и смысл Г. Шпета в контексте развития феноменологии Э. Гуссерля // *Шпет Г.* Явление и смысл. Томск, 1996.
- ¹⁰ *Дильтей В.* Указ. соч. С. 22.
- ¹¹ Там же.
- ¹² *Литтс Т.* Психология, наука и жизнь: Речь, произнесенная на торжественном публичном заседании Королевской баварской академии наук в Мюнхене по случаю празднования 1420-й годовщины ее основания. М., 1901. С. 12.
- ¹³ Там же. С. 8–9.
- ¹⁴ Там же. С. 30.
- ¹⁵ *Гуссерль Э.* Кризис европейских наук и трансцендентальная феноменология. СПб., 2004. С. 101.

- ¹⁶ О соотношении феноменологии Гуссерля и психологии Липписа см. подробнее: *Куренной В.А.* Проблема возникновения феноменологического движения: Дис. ... канд. филос. наук. М., 2001.
- ¹⁷ Там же. С. 101.
- ¹⁸ О непространности статуса ноэмы и о возможности по-разному его понимать, вплоть до отождествления ноэмы с реальным предметом, пишет, например, Бернет (см.: *Bernet R.* Husserls Begriff des Noema // *Husserl-Ausgabe und Husserl-Forschung* / Hrsg. Samuel Ijsseling. Dordrecht, 1990).
- ¹⁹ В первой книге – «Идеи к чистой феноменологии и феноменологической философии» – Гуссерль характеризует сознание как особый регион бытия. Однако слово «бытие» не несет у Гуссерля особой смысловой нагрузки (как, например, у Хайдеггера), поэтому, я считаю, корректнее – во избежание ложных коннотаций – говорить по отношению к сознанию об особом статусе существования.
- ²⁰ *Husserl E.* Phänomenologische Psychologie. Vorlesungen Sommersemester. 1925 // *Husserliana IX.* Herausgegeben von Walter Biemel. Den Haag: Martinus Nijhoff, 1968. S. 297.
- ²¹ *Husserl E.* Die Krisis der europäischen Wissenschaften und die transzendente Phänomenologie. Eine Einleitung in die phänomenologische Philosophie // *Husserliana VI.* Herausgegeben von Walter Biemel. Den Haag: Martinus Nijhoff, 1976. S. 297.
- ²² См.: *Husserl E.* Ideen zur einer reinen Phänomenologie und phänomenologischen Philosophie. Zweites Buch: Phänomenologische Untersuchungen zur Konstitution // *Husserliana IV.* Herausgegeben von Marly Biemel. Den Haag: Martinus Nijhoff, 1952.
- ²³ *Шелер М.* Феноменология и теория познания // Шелер М. Избранное. М., 1994. С. 216.
- ²⁴ См. подробнее: *Шиян А.А.* Восприятие в контексте «Логических исследований» «раннего» и «позднего» Гуссерля // История философии и социокультурный контекст – II: Материалы междунар. конф.: Сб. науч. тр. / Отв. ред. Т.А. Шиян. М., 2012. С. 282–303.
- ²⁵ *Дильтей В.* Описательная психология. М., 1996. С. 24.
- ²⁶ *Липпис Т.* Психология, наука и жизнь. С. 5.